

Они – из школы Калантаровой

«Счастлив тот, кто испытал радость общения с Ольгой Калантаровной Калантаровой. Это была удивительная личность. Полвека жизни она отдала Петербургской-Петроградской-Ленинградской консерватории. [...] Ольга Калантаровна излучала не только душевное тепло – она представляла воплощение нравственного начала, не замутненного корыстью и себялюбием. Она была скромна и застенчива, и такой, вероятно, осталась в памяти многочисленных своих благодарных учеников» [1, 112].

Эти слова принадлежат выпускнику класса Ольги Калантаровны, выдающемуся учёному, исследователю и педагогу, Михаилу Семёновичу Друскину. Его воспоминания наполнены сердечным теплом и благодарностью за самоотверженный труд своего великого педагога.

Действительно, поражает количество талантов, которое воспитала Ольга Калантаровна (далее О. К.). Но разве можно говорить о фортепианной школе О. К., не упомянув о всемирно известной школе Анны Николаевны Есиповой, чьей прямой наследницей и является О. К.

Педагогический дар и проницательность помогли Анне Николаевне (далее А. Н.) разглядеть неординарные способности и творческий потенциал в пятнадцатилетней девочке, только-только приехавшей из Тифлиса. Юное дарование сразу так понравилось Есиповой, что она великодушно поселила девочку в своей квартире по Офицерской улице (ныне улице Декабристов) дом 51, где О. К. прожила до конца своих дней.

В полной мере О. К. оправдала ожидания своего педагога. На протяжении всего обучения Есипова отзывалась об успехах О. К. только в положительном ключе. Например, вот отзыв от 1897 года: «Техника прекрасная. Прилежна. Способна, в этом году сделала большие успехи. Считаю её превосходной ученицей» [2].

Благодаря своему труду и стараниям О. К. завоевала ещё большую любовь Анны Николаевны, и поэтому в 1903 году, сразу после блестящего окончания Консерватории стала адъюнктом Есиповой. С этого момента началась преподавательская деятельность О. К. Возведение в звание профессора 2 степени в 1912 году, а затем утверждение в звании профессора в 1926 году, говорит о признании весомого вклада О. К. в развитие фортепианного искусства. До последних дней О. К. была верным другом Есиповой, помогала ей преподавать в период тяжёлой болезни. Через неё и ещё одну знаменитую ассистентку, Наталью Николаевну Позняковскую, А. Н. из соседней комнаты давала указания своим ученикам, не желая запомниться им больной. К сожалению, А. Н. не закончила рукописи, где излагала принципы своей школы, также осталось не много документов, связанных с А. Н.. Но то небольшое наследие, которое сейчас находится в Музее истории консерватории, сохранилось именно благодаря любимой ученице Есиповой. Материалам Анны Семеновны Барон, ученицы О. К., посвящена статья А. Ивановой в Альманахе «Малоизвестные страницы истории Консерватории» выпуск VIII.

Анна Николаевна сыграла решающую роль в судьбе О. К., повлияв на её профессиональное и личностное становление:

«Как педагог [О. К.] развивала пианистические принципы школы Есиповой, требуя предельной отточенности, яркой рельефности, тембрового разнообразия исполнения, особое значения придавала артикуляции мелодии, глубокому проникновению в сущность исполняемого» [2].

Диплом Императорского Русского Музыкального Общества и Санкт-Петербургской консерватории о присвоении звания свободного художника Ольге Калантаровне Калантаровой

С одной стороны, О. К. воспитывала в своих учениках необходимые для художественного воплощения произведения пианистические навыки, а с другой стороны, как и А. Н., главным образом пыталась раскрыть индивидуальность ученика. М. С. Друскин вспоминает о несколько своевольном поведении во время обучения: вместо заданного репертуара он часто приносил на урок то, что он хотел играть сам, произведения «не классического» репертуара, а своих современников, Прокофьева, Шимановского, Стравинского. Причём О. К. не только не препятствовала экспериментам своего подопечного, но и сама активно участвовала в изучении нового для неё материала, а затем включала его в работу с другими учениками. Так, например, Друскин на выпускном экзамене исполнил Первый концерт Прокофьева, а через несколько лет он аккомпанировал этот же концерт Изе Давыдовне Ханцин на её выпускном экзамене.

Немало испытаний выпало на долю И. Д. Ханцин (далее И. Д.). После окончания аспирантуры под руководством О. К. она входит в состав кафедры специального фортепиано в качестве ассистентки О. К. Казалось, впереди счастливое и безоблачное будущее, но тогда тучи сгустились над всей страной, и холодной тенью они коснулись и семьи И. Д. В 1937 году муж И. Д. подвергся репрессии. Так пишет об этом времени Галина Некрасова: «Успешно начавшаяся в консерватории деятельность в 1938 году внезапно (настолько неожиданно, что О. К. Калантарова не решается сообщить об этом «выпестованным» Изой Давыдовной талантливым ученикам, придумав оговорку о мнимой болезни их педагога) прерывается ссылкой в Самарканд» [3, 37]. Трудно представить, как бы пережила Иза Давыдовна это тяжёлое время ссылки, если бы она не ощущала поддержки со стороны своих близких и друзей, в числе которых была и О. К. Любимый педагог И. Д. искренне надеялась на реабилитацию и скорое возвращение своей ученицы. После смерти мужа И. Д. получает право вернуться и приступить к своей прежней деятельности. Со временем И. Д. была переведена с кафедры специального фортепиано на кафедру ОКФ. Но с не меньшим энтузиазмом она продолжала работу на педагогическом поприще уже со студентами-музыковедами и композиторами.

В своих воспоминаниях Г. Некрасова говорит о том, что «нередко исполнение [И. Д.] сопровождалось чтением стихотворений и комментариями из Б. Л. Пастернака, О. Э. Мандельштама, А. А. Ахматовой». Это обуславливалось окружением И. Д.. Ещё в юности, будучи в поэтичном Крыму она познакомилась с О. Э. Мандельштамом. А во время эвакуации консерватории в Ташкент она сблизилась с А. А. Ахматовой. Интерес к литературе, который она прививала молодому поколению, присутствовал в её жизни всегда. В связи с этим приведу воспоминания Ариадны Владимировны Бирмак, начавшей обучение у Есиповой, а заканчивающей у Калантаровой. Она говорила о том, что Есипова заботилась о всестороннем развитии учеников, обязанностью которых было посещать музеи. Во время работы А. Н. «сравнивала некоторые произведения с монументальными скульптурами Микеланджело, а звучание сонат Моцарта – с картинами Греза, с прозрачностью его красок» [4, 91]. И мне думается, что гордое звание педагога имеют право носить именно такие люди, всецело отдающие себя делу жизни и заботящиеся не только о возвращении специалистов-ремесленников, но и многогранных личностей, представителей культуры и носителей высоких нравственных идеалов.

О. К. понимала, что чем раньше начнётся профессиональное становление человека, тем больших результатов может он достигнуть, поэтому она с радостью отдавала себя не только работе со студентами, но и работе с учащимися Школы-десятилетки при Консерватории. Безусловно, загруженность педагогической и общественной работой не позволяли О. К. реализовывать себя в исполнительской деятельности. Но мне кажется, что ученики, которые продолжили нести в мир любовь к искусству музыки, реализовали полностью творческий потенциал Ольги Калантаровны.

Многие выпускники О. К. работали в сфере специального фортепиано, как исполнители и педагоги. Так, Виссарион Исаакович Слоним, имевший

более чем шестидесятилетний исполнительской стаж артиста, был человеком в равной мере увлеченным музыкальным исполнительством и педагогикой. Помимо Петербургской консерватории работал в консерваториях Петро-заводска, Ташкента, Новосибирска, Иерусалима. С. А. Айзенштадт, ученик В.И. вспоминает:

«Виссарион Исаакович всегда подчёркивал важность того, чтобы на уроках присутствовали другие студенты класса. И потому, что учащиеся расширяли свой пианистический кругозор, учились на достижениях и ошибках товарищей. И потому, что игра в таких условиях приобретала черты эстрадного исполнения, что очень полезно» [5].

Как известно, этот метод подготовки был присущ и Есиповой.

Следует отметить брошюры Виссариона Исааковича «О работе над этюдами и балладами Шопена» и «Мысли и наблюдения», в которых он изложил некоторые теоретические разработки своего творческого метода.

Другие ученики, как например, Зинаида Яковлевна Виткинд, посвящали себя в большей мере именно исполнительству.

Класс О.К.Калантаровой

Слева направо

Сидят: И. Д. Ханцин, О. К. Калантарова, Э. А. Элинсон

II ряд: 2. Ваннтруб, 3. О. Абрамская, 5. Г. И. Ганкина

III ряд: 1. Зейдлина, 2. В. С. Альзуцкая, 3. Е. Г. Зуева, 4. Т. А. Саатчиан (Саатчан), 5. Факкель¹

¹ Фотография предоставлена Фондом иконографии Научной музыкальной библиотеки СПбГК.

З. Я. также славилась оригинальными произведениями и фортепианными транскрипциями произведений различных композиторов – в концертный обиход вошли сделанные Виткинд транскрипции фрагментов музыки Шостаковича к кинофильмам «Овод» и «Гамлет» и музыки Прокофьева к спектаклю «Евгений Онегин».

Представители класса О. К. добились исключительных результатов на кафедре ОКФ. Помимо Изы Давыдовны Ханцин нельзя не упомянуть Эллиу Абрамовну Элинсон. Интересно провести параллель в судьбе О. К. и Э. А. Так же, как и Есипова помогла О. К. в самом начале её пребывания в Петербурге, даже ещё до поступления, так и О. К. приютила у себя Эллиу Абрамовну, помогла с освобождением от платы за обучение, заботилась о ней трепетно, как мать. И Иза Давыдова и Элла Абрамовна с особым уважением и теплотой относились к своему педагогу на протяжении всей жизни.

Популярным педагогом общего курса фортепиано была Вера Владимировна Мелодиева, занимавшаяся также и композицией.

Для школы Есиповой-Калантаровой характерна традиция ансамблевого музицирования. Многие ученики посвящали себя этой сфере музыкального искусства.

У истоков такого ансамблевого исполнительства, как камерное пение, стояла выпускница О. К. – Тамара Сергеевна Салтыкова [8].

Чутким аккомпаниатором, педагогом, композитором был Евгений Михайлович Шендерович. А также он являлся основателем, составителем и редактором серии нотных сборников с текстами «Певец и аккомпаниатор». Написал несколько книг и статей о работе концертмейстера («Развивать камерное пение», «Об искусстве аккомпанемента», «О преодолении пианистических трудностей в клавирах», «В концертмейстерском классе») и книгу воспоминаний «С певцом на концертной эстраде».

Как ансамблист высокого класса проявила себя Груня Исааковна Ганкина. В дуэте с Тамарой Самойлович за 30 лет совместного творчества они дали более 700 концертов. По инициативе ректора консерватории этот дуэт получил почётное название «Почётный дуэт Ленинградской консерватории». Как преподаватель камерного ансамбля и концертмейстерского класса Груня Исааковна занималась систематизацией репертуара для класса камерного ансамбля, благодаря ей был введен новый предмет – «фортепианный дуэт».

В этой же области успешно работала ещё одна ученица О. К. – Мария Николаевна Базыкина. Светлана Васильевна Карзина, ученица Марии Николаевны, ныне преподаватель специального фортепиано в колледже им. Н. А. Римского-Корсакова, вспоминает её как «прекрасного профессионала, тонко разбирающегося в музыкальных проблемах», как очень требовательного и строгого

педагога, которая внимательно относилась к стилистике исполняемых произведений и ко всем деталям нотного текста, зачастую упускаемым студентами. Это в очередной раз доказывает состоятельность есиповско-калантаровских традиций, которые продолжают жить в их музыкальных «правнуках».

Безусловно, в одной статье невозможно рассказать обо всех выпускниках О. К. – их было несколько сотен. Но целью моей работы было возрождение памяти о классе, который по мастерству и масштабности безоговорочно стоит в одном ряду с классами Л. В. Николаева и С. Н. Савшинского. Закончить я хочу словами М. С. Друскина:

«Ольга Калантаровна воспитывала профессионалов своего дела, и деятелей культуры, преданных музыке. Она приобщила нас к чистоте помыслов и деяний, согревая теплом своей щедрой души. То была не только пианистическая, но и жизненная школа. Мы, её ученики, многим обязаны О. К. И то, что она нам завещала, – эту щедрость души – в меру своих сил старались передать тем, кого суждено было нам учить и воспитывать» [1, 114].

Использованная литература:

1. Друскин М.С. Отрывки воспоминаний (О.К.Калантарова, А.С.Рабинович, И.И.Соллертинский) // Ленинградская консерватория в воспоминаниях. Изд. второе, доп. В 2 кн. / общ. ред. Г.Г. Тигранова. — Кн. 1. — Л.: «Музыка», 1987. — С. 11–119.
2. Материалы из личного дела О.К. Калантаровой. Архив Санкт-Петербургской консерватории.
3. Некрасова Г. Иза Давыдовна Ханцин и ее современники (по материалам личного фонда Российской национальной библиотеки) // Musicus, 2011, №2. — С. 34–41.
4. Бирмак А. В. «В классе Есиповой» // Советская музыка, 1985, №12. — С. 89–92.
5. Виссарион Слоним [Электронный ресурс] // Погружение в классику (аннотация к звукозаписям В.И.Слонима). URL: intoclassics.net/news/2010-08-17-18012 (дата обращения: 17.03.2016).
6. Киселев И. К 110-летию Тамары Сергеевны Салтыковой. Концертмейстер «Человек для других» // Альманах «Малоизвестные страницы истории Консерватории». Выпуск XV. — СПбГК, 2015.
7. Брославская Т.В. Щедрость души // Musicus, 2010, №5. — С 38–45.
8. Ганкина Г.И. Жизнь, музыка, судьба // История Петербурга. СПб., 2003, № 3. — С. 8–14.
9. Бялик М. Просветитель // Музыкальная жизнь, 1986, №12. — С.10.

В статье использованы материалы беседы автора с преподавателем Санкт-Петербургского музыкального колледжа имени Н. А. Римского-Корсакова С. В. Карзиной, материалы архива Санкт-Петербургской консерватории (личные дела М. С. Друскина, И. Д. Ханцин, В. И. Слонима, Э. А. Элинсон, Г. И. Ганкиной, М.Н. Базикиной), а также материалы сайта «Дом Корчака в Иерусалиме»: URL: www.jerusalem-korczak-home.com/shen/shen.html